

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ
ДВАДЦАТКА:
АРХИТЕКТУРА
МОСКВЫ И ЗАЧЕМ
ОНА БЫЛА

ГРИГОРИЙ
РЕВЗИН

Григорий Ревзин

**Великолепная двадцатка:
архитектура Москвы
и зачем она была**

«Strelka Press»

2013

Ревзин Г.

Великолепная двадцатка: архитектура Москвы и зачем она была /
Г. Ревзин — «Strelka Press», 2013

Постсоветская архитектура продолжается двадцать лет. Это много. За двадцать лет начались и закончились модерн, неоклассицизм, конструктивизм, сталинская архитектура – есть с чем сравнивать. История этой архитектуры – повесть о двадцати главных героях. Это нормально. Честертон написал (несколько высокопарно), что архитектура – это азбука гигантов, это верно не только в том смысле, что буквы большие, а и в том, что гиганты редко ходят толпами. Конструктивисты (тоже примерно двадцать человек), и сталинские архитекторы, и архитекторы модерна (это опять же двадцать человек максимум), все остальные – краеведение. В историю больше двадцати не пропихивается, и, кстати, это серьезный резон не становиться архитектором. В год в России появляется примерно две тысячи человек с дипломом архитектора, поколение – двадцать лет, около сорока тысяч человек, а в итоге – двадцать фигур. Шансы – один к двум тысячам, хуже только у поэтов.

© Ревзин Г., 2013

© Strelka Press, 2013

Григорий Ревзин

Великолепная двадцатка: архитектура Москвы и зачем она была

Постсоветская архитектура продолжается двадцать лет. Это много. За двадцать лет начались и закончились модерн, неоклассицизм, конструктивизм, сталинская архитектура – есть с чем сравнивать.

История этой архитектуры – повесть о двадцати главных героях. Это нормально. Честертон написал (несколько высокопарно), что архитектура – это азбука гигантов, это верно не только в том смысле, что буквы большие, а и в том, что гиганты редко ходят толпами. Конструктивисты (тоже примерно двадцать человек), и сталинские архитекторы, и архитекторы модерна (это опять же двадцать человек максимум), все остальные – краеведение. В историю больше двадцати не прописывается, и, кстати, это серьезный резон не становиться архитектором. В год в России появляется примерно две тысячи человек с дипломом архитектора, поколение – двадцать лет, около сорока тысяч человек, а в итоге – двадцать фигур. Шансы – один к двум тысячам, хуже только у поэтов.

Что это было? Что за двадцать лет сделали двадцать героев? В 2008 году, когда я делал выставку «Партия в шахматы» на венецианской биеннале, Андрей Боков, Александр Скокан и Евгений Асс с разной степенью резкости критиковали меня за идею противопоставления российской и западной школ. «Архитектор, – говорили они, – профессия интернациональная, важно не то, какое у него гражданство, а то, что он привнес в сегодняшнюю мировую архитектуру». Отлично, что мы туда внесли?

В деятельности историка случаются неприятные моменты. Иногда нужно признать историческое поражение.

В прошлом году там же, на биеннале в Венеции, в британском павильоне была выставка «Venice Takeaway». Две дамы, Вики Ричардсон, директор архитектурных программ Британского совета, и Ванесса Норвуд, директор выставок АА (Architectural Association, довольно-таки прославленная архитектурная школа), пришли к выводу, что британская архитектура зашла в тупик. Отталкиваясь от этой грустной констатации, Британский совет выделил 500 грантов на экспедиции по всему миру для поисков альтернативных идей развития. В short list для показа на биеннале вошли тринадцать команд, в том числе исследование Росса Андерсона и Анны Гибб, которые отправились в Россию и обнаружили здесь «бумажную архитектуру». На входе в британский павильон на трех айпадах Юрий Аввакумов, Михаил Белов и Александр Бродский рассказывали о своем жизненном пути и судьбе архитектуры, и имелось ввиду, что это выход. Английская архитектура, напомним, – это национальная школа, которую сейчас представляют Норман Фостер, Заха Хадид, Ричард Роджерс, Дэвид Аджае и т. д.; вообще-то, от момента обновления Лондона на Millenium и до Олимпиады 2012 года – это сильнейшая архитектурная школа в мире. «Бумажная архитектура» через двадцать лет после того, как она закончилась, остается надеждой на обновление языка – но не для России.

В архитектуре иногда говорят об обезличивании, и не совсем понятно, как должен звучать антоним к этому процессу – когда пространство приобретает настолько личный характер, что у него появляется сложный психологический рисунок. «Бумажная архитектура» – это иной уровень гуманизации пространства, когда оно становится глубоко личным. Так вот, мы не смогли не то что реализовать этот потенциал – мы даже не смогли двинуться в этом направлении. Михаил Филиппов и Михаил Белов строят, но это не архитектура сделала шаг к тому, что они открыли тогда, в молодости, это они пошли на компромисс с реальностью, сделав шаг

от поэзии к недвижимости. Юрий Аввакумов и Александр Бродский отказались идти по этому пути – ну так они по большому счету стали не архитекторами, а художниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.